

Недостатки в деятельности театра следует критиковать в печати. Но критика должна быть направлена не «на разнос» театра, а на оказание помощи ему. К сожалению, не такова критика у С. Левина. Он не видит в работе целого театрального коллектива и весь мнувший сезон ни одного светлопятия. По его мнению, у русского драматра были в прошлом сезоне одни про-
лы.

Между тем в этом же году С. Левин в журнале «Коммунист Эстонии» о работе театра отзывался по-иному:

«Наиболее активным пропагандистом пьес, отражающих советскую действительность, в 1955 году, как и в предыдущие годы, был Государственный русский драматический театр. Из 11 пьес, поставленных театром в 1955 году, шесть были посвящены современной советской теме. Это «Персональное дело» А. Штейна, «В добрый час!» и «Страница жизни» В. Розова... Затем водевиль для детей «Димка-Невидимка» Коростылева и Львовского, «Волотные черти» Май Тальвест и «Испытание жизнью» Г. Скульского, над окончательной сценической редакцией которой театр работал вместе с автором... Полноценная пьеса на актуальную тему палей действительности является фактической основой репертуара русского драмтеатра».

Итак, в статье, опубликованной в журнале «Коммунист Эстонии», критик хвалил русский драмтеатр за пропаганду пьес, отражающих советскую действительность, в числе которых называл пьесу «Испытание жизнью». Он отмечал совместную работу театра с автором. Прочитав статью С. Левина в «Коммунисте Эстонии», работники этого театра вправе были думать, что они стоят на верном пути.

По тот же С. Левин в другом журнале, подводя итоги сезона, пишет о творческой близости театра, о том, что он совершил сдвиг с пути гражданственности, и одним из показателей этого сдвига объявляет... выбор пьесы «Испытание жизнью». Здесь мы читаем:

«Сдвиг русского драмтеатра с пути гражданственности на путь ориентации на за-
нимательность оказался и в выборе театром

«своей» пьесы. Этой пьесой оказалась драма Г. Скульского «Испытание жизнью».

И дальше:

«Театр не заметил или не захотел заметить, что пьеса фальшива...».

Каждый, кто сопоставит эти две статьи С. Левина, убедится, что автор этих статей стремится побить рекорд... критической беспринципности.

Дело, конечно, не в ошибочности той или иной оценки. Ошибиться могут и принципиальные люди. Но у принципиальных людей принято не скрывать своих ошибок, не сваливать ответственность за эти ошибки на других. Если С. Левин ошибся в своей первоначальной оценке пьесы, то его гражданским долгом было сказать об этом в той статье, где он указанную пьесу критикует. А нал критик, умалчивая о своих прежних писаниях, обрушил критическую дубинку на театр и на автора пьесы.

О том, что в данном случае мы имеем дело не с принципиальной критикой, а именно с критической дубинкой, можно судить уже по тем выражениям, которые отпускает С. Левин по адресу начинающего драматурга: «автор осторожно обходит и заминает острые вопросы», в пьесе «на каждом шагу ощущается оглядка и расчет», «автор при всей расчетливости своей допустил... просчеты» и т. д. Чувствуется, что критик С. Левин серьезно обиделся на драматурга.

Что же так обидело С. Левина в пьесе «Испытание жизнью»? В чем он видит ее фальшь и в чем состоит «просчеты» драматурга? Вот что он написал:

«... При всей своей расчетливости автор допустил такие просчеты, как, например, приписывание Сеппу в качестве буржуазного пережитка отношения к больному, как к подопытному кролику».

Критика почему-то возмущает то, что отношение к больному, как к подопытному кролику, отношение к нему, как к объекту исследования за номером таким-то, как к материалу в руках скульптора, а не как к живому человеку, — бичуется в пьесе как пережиток капитализма. В том, что С. Левин именно по этой причине считает пьесу «фальшивой», нетрудно убедиться,

ознакомиться со следующим его утверждением:

«Театр забыл, что в буржуазном обществе врач материально зависит от больного, и именно потому, что каждый излеченный больной увеличивает добрую славу врача, а рост и распространение доброй славы приносят новую клиентуру и рост доходов, такой врач не может разрешить себе экспериментировать над больным. Ведь это означало бы ставить под удар свою практику, свое материальное благополучие».

Ну что ж. Попробуем разобраться, кто о чем забыл и кто фальшивит: автор пьесы вместе с театром или С. Левин.

«... В буржуазном обществе, — утверждает он, — врач материально зависит от больного...» Так ли это? Не забыл ли кое-что сам т. Левин? Например, не забыл ли он, что в буржуазном обществе есть разные больницы: с одной стороны, фабриканты, торговцы, кулаки, домовладельцы и т. п., с другой — пролетарии, в том числе многие безработные, батраки, разоренные капитализмом крестьяне. Но С. Левину выходит, что в буржуазном обществе врач одинаково зависит и от капиталиста и от безработного пролетария. Но каждый знает, что это не так, что врач материально зависит не от всякого больного, а от больного состоятельного, т. е. иначе говоря — от денежного мешка. Театр и драматург не забыли эту азбучную истину, а вот критик ее явно запечатал.

С. Левин утверждает далее, что врач в буржуазном обществе не может разрешить себе экспериментировать над больным, относиться к нему «как к подопытному кролику», мол, он заинтересован хорошо лечить больных, дабы иметь в себе «добрую славу», которая привлечет новую клиентуру и даст новые доходы.

Но и это не так. В буржуазном обществе есть врачи, которые, когда им это выгодно, могут разрешить и разрешают себе эксперименты над больными, особенно, если эти больные — люди не богатые, от которых врачи материально не зависят. Разве не порождением буржуазного общества были врачи-гитлеровцы, использовавшие, как материал для экспериментов, советских военнопленных и мирных граждан? Разве нет

фактов, когда, именно руководствуясь стремлением к «своему благополучию», некоторые врачи в буржуазном обществе помогали и помогают пропагандировать не только бесполезные, но и вредные медицинские средства? Конечно, и в буржуазном обществе не все врачи таковы. Известно, что врачами были Чехов, Вересаев, Иоханнес Барес и многие другие, которые пользовались доброй славой среди простых людей. Но не о них идет речь. Да я вообще речь идет не о врачах, а о буржуазном обществе.

Из всего этого видно, сколь несправедливо обвинение театра, поставившего спектакль «Испытание жизнью», в сдвиге с пути гражданственности. Не театр совершил сдвиг с пути гражданственности, а сам критик совершает «сдвиг» с пути марксистско-ленинской идеологии на путь идеологии буржуазной, когда он рисует иделическую картину отношений в буржуазном обществе между большими и таким врачом, гуманизм которого основан на стремлении к росту доходов, когда он доказывает, что именно в буржуазном обществе врач заинтересован в излечении «каждого больного».

Все это, разумеется, не значит, что пьеса Г. Скульского «Испытание жизнью» лишена недостатков. Недостатки в ней имеются немалые и их надо критиковать. Но нельзя под видом театральной критики высказывать взгляды, чуждые советской идеологии.

В статье С. Левина есть и другие места, вызывающие возражения. В частности, совершенно неправильно его деление зрителя на категории «передового» и «отсталого», отнесение к последней категории массового зрителя, якобы интересующегося только сюжетом пьесы и равнодушного к труду актеров, режиссера, художника. Столь пренебрежительное отношение к зрителю покрывает, по меньшей мере, лишь то, что критик плохо его знает.

Факты свидетельствуют о том, что статья «Творческое лицо театров Таллина» страдает серьезными ошибками принципиального порядка. И плохую услугу оказала редакция журнала «Ломинг» своим читателям, напечатав эту путаную и необъективную статью.

И. КУЗЬМИЧЕВ.